

АРАБЕСКИ
АНДРЕЯ
БЕЛОГО

Т. Байер (США)

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И Н. А. ТУРГЕНЕВА (ПОЦЦО): НЕИЗВЕСТНАЯ ПЕРЕПИСКА БОРИ С НАТАШЕЙ

Хочу выразить искреннюю благодарность коллегам моего поколения, которые в тяжелые годы буквально спасли наследие и творчество Бориса Николаевича Бугаева от забвения, тем дорогим коллегам, которые и сегодня продолжают изучать, стараются лучше понять этого гениального человека и писателя.

Эта история началась с того, что мне посчастливилось разбирать и описывать часть книжного архива знаменитой переводчицы Светланы Гайер (1923–2010), с которой я был дружен. Об этом после ее смерти меня попросили ее дочь и внучка. Светлана Гайер переводила русскую литературу на немецкий язык и за свои переводы получила мировое признание и многочисленные награды¹. Она была, среди прочего, переводчиком воспоминаний Андрея Белого об Александре Блоке и Рудольфе Штейнере².

По семейной легенде, сто книг, которые я получил после ее смерти, принадлежали Борису Николаевичу Бугаеву. Он их оставил у А. А. Тургеновой, когда в 1916 г. уезжал из Дорнаха в Россию.

Напомним, что Белый и Ася Тургенева, которые познакомились с Р. Штейнером в мае 1912 г., уехали из Берлина в Базель 31 января 1914 г. Неподалеку от Базеля, в маленькой деревне Дорнахе, они вместе с другими русскими, в частности, с Натальей Алексеевной Поццо-Тургеновой (сестрой Аси) и ее мужем Александром Михайловичем Поццо, принимали участие в строительстве первого Гетеанума (Иоаннова здания). В марте 1914 г. они поселились в Дорнахе-Арлесгейме. 23 марта 1914 г. Белый и Ася поженились в Берне. На церемонии присутствовали Наташа Тургенева с мужем Александром. Это был не церковный, а гражданский брак. К тому же за год до этого Ася решила, что они с Белым будут жить не как муж и жена, а как брат и сестра. На строительстве Гетеанума Ася быстро нашла себе работу как художница. Белый же был гораздо менее приспособлен к физической работе.

На тему, о которой я буду говорить и которую считаю важной для понимания биографии Белого, меня натолкнуло описание книг, долгое время хранившихся у Светланы Гайер³. На одной из них стояла владельческая помета — «Н». Сначала я не обратил на нее особого внимания, решив, что эта книга, как и многие другие, принадлежала Асе Тургеновой. Однако, приглядевшись, я понял, что некогда хозяином книги была не Ася, а ее старшая сестра Наташа⁴.

Мир беловедения полон странных совпадений. Я в первый раз встретил Светлану Михайловну Гайер в 1980 г. Так начались наше тридцатилетнее знакомство, наши дружба и сотрудничество. В ее доме, где я видел автограф «Воспоминаний о Штейнере», были и те книги, которые, как все верили, Светлана Михайловна получила от Аси. На самом деле история этих книг или, вернее, каждой книги оказалась сложнее и интересней. Выяснилось, что значительная их часть принадлежала Эльзе Малер, первому профессору русской литературы в Базельском университете.

Среди них было всего три книги, которые, без сомнения, принадлежали Андрею Белому, и я их вернул в Мемориальную квартиру писателя два года назад. Это:

- 1) книга из библиотеки отца писателя, взятая Белым с собой в Дорнах и там оставленная: *Кант И. Критика чистого разума* / Пер. М. Владиславлева. СПб.: Тип. Н. Тиблена и Ко. (Н. Неклюдова), 1867. 722 с. ([4], XXXIV, 628, XXXVIII, II, XVI). На титульном листе тисненая владельческая печать Н. В. Бугаева, отца Андрея Белого; на переплете — монограмма «Н. Б.»;
- 2) Том из «Собрания сочинений» А. С. Пушкина с пометами Андрея Белого: *Пушкин А. С. Сочинения* / Под ред. и с объяснит. примеч. П. О. Морозова. Т. 3: Поэмы и драматические произведения (1825–1833). СПб.: Изд. О-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Тип. А. С. Суворина, 1887. 616 с. ([4], 594, XVIII);
- 3) Поэтический сборник Н. С. Гумилева с дарственной надписью Андрею Белому: *Гумилев Н. Чужое небо. Третья книга стихов*. СПб.: Аполлон, 1912. 122 с. На шмуцтитуле дарственный автограф Н. С. Гумилева: «Борису Николаевичу Бугаеву / любимейшему противнику / Н. Гумилев».

Многие книги действительно попали к Светлане Гайер из Дорнаха, на них был штамп библиотеки Гетеанума. В связи с обнаружением дорнахских библиотечных книг я в июне 2012 г. поехал в Дорнах обсудить их судьбу и там познакомился с Йоханесом Нилом (Johannes Nilo), директором «Dokumentation» (архивная часть библиотеки Гетеанума), где находятся материалы, связанные не с самим Штейнером, а с историей антропософского движения, а также материалы известных антропософов. В ходе разговора Йоханес Нил предложил мне посмотреть несколько папок с бумагами Аси Тургенева, Наташи Тургенева и Александра Поццо.

Тогда я не успел все внимательно просмотреть, но вернулся туда же в конце месяца, так как интересовался документами Аси Тургенева, умершей в Дорнахе в 1966 г. Перелистывал я попутно и папки с материалами Наташи и ее мужа. Они также умерли в Дорнахе: Александр в 1941 г., Наташа — в 1942 г. Насколько я знаю, в эти папки до меня никто не заглядывал.

Хочу выразить благодарность Йоханесу Нилу и его коллегам, которые открыли мне доступ к этим материалам в Дорнахе и разрешили привести фрагменты переписки здесь. В папке с документами не Наташи, а ее мужа Александра Поццо нашлось двенадцать писем и открыток (более 80 страниц) Андрея

Белого к Н. А. Тургеневой и одно письмо (пять страниц) от Наташи к Белому. Точное описание дается в описи, которую я составил для библиотеки⁵.

Почему эти документы так важны? Они освещают очень интенсивный, тяжелый период в жизни Белого — дорнахский. Этот период не очень детально описан Белым и потому не так хорошо исследован (здесь исключением являются работы моих коллег Магнуса Юнггрена и Моники Спивак⁶). Но, главное, в этих письмах — ответ на загадку отношений Андрея Белого с Наташей Тургеневой, «черной женщиной» его жизни.

Сделанная мной опись этого архива (теперь он значится как архив Андрея Белого) включает 11 папок. Есть проблема с датировкой некоторых писем — большая часть не датирована автором. Но понятно, где у переписки начало, а где конец. Первое письмо отправлено осенью 1913 г. («Христос с тобой, милая, милая Наташа. Сейчас получил твое письмо...»). Последнее письмо — уже из Москвы, датировано 10 мая 1919 г. В нем Белый осведомляется о здоровье Аси. Однако главными для нас являются шесть писем, в которых Белый (Боря) признается в своем влечении к Наташе — и духовном, и физическом. Здесь точный порядок еще не установлен.

Белым написаны сотни страниц мемуаров и дневников. Но во всех этих произведениях («На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций», «Воспоминания о Блоке» и др.) о Наташе написано мало. Думается, что Белый не стал делиться деталями своей интимной жизни из уважения к живым людям, к Асе, к Клавдии Николаевне, его второй жене, к Александру Поццо и, наконец, к самой Наташе. Даже в «Воспоминаниях о Штейнере» (впервые они были опубликованы в немецком переводе в 1975 г. под названием «Преображение жизни», а по-русски вышли в 1981 г.⁷) мало информации о Наташе и их взаимоотношениях, хотя, как мы теперь знаем, их отношения были темой специальной беседы Белого со Штейнером.

Немного о том, что говорится о Наташе в опубликованных источниках — в «Материале к биографии...», в «Ракурсе к дневнику», в мемуарах.

Белый встречает сестер Анну (Асю) и Наталью (Наташу) Тургеневых в ноябре 1905 г. В мемуарах «Начало века» «Бледно-розовая» Ася противопоставляется «бледно-зеленой» Наташе, кажущейся «Раскольниковым в юбке»⁸. В мемуарах «Между двух революций» он также дает Наташе неоднозначную характеристику: «Сестра Аси, Наташа, умная, сложная, очень раздвоенная, в черном платье, с глазами русалки, не то ангелица, не то настоящая ведьмочка»⁹.

В 1909 г. начинается роман Белого и Аси. Примерно в то же время Наташа станет женой его друга Александра Поццо. В «Материале к биографии», в части, которую можно назвать «дорнахским дневником» писателя¹⁰, Белый вспоминает то тяжелое время, когда он мучился от растущего влечения к Наташе. Он рассказывает о мании преследования «черной женщиной» и связанных с его страстью к Наташе галлюцинациях. Галлюцинации начались в трамвае в феврале 1915 г. после месяца бессонницы и грез о Наташе.

«<...> я был в Базеле с Асей; когда мы с ней возвращались в Дорнах в трамвае, то я заметил, что рядом со мной сидела костлявая, страшно безобразная и кривобокая женщина с фосфорически горящими, безумными глазами и с красным шрамом на шее; она сидела со мной рядом; и мне казалось, что она с особенным вниманием поглядывала на меня; что-то было отчаянно-жуткое в ее черном, тощем, кривобоком силуэте; мне стало не по себе, но я поборол себя, ничего не сказав Асе. Отмечаю этот факт, потому что “черная женщина” появилась впоследствии передо мною опять в гораздо более страшной и жуткой атмосфере.

В этот же месяц, во время мучительной бессонницы, вызванной переутомлением, меня стали посещать эротические кошмары: я чувствовал, как невидимо ко мне появляется Наташа и зовет меня за собой на какие-то страшные шабаша; сладострастие во мне разыгрывалось до крайности; совершенно обезумев, я стал серьезно мечтать об обладании Наташей».

Сны сыграли большую роль в первой встрече Белого и Аси с Штейнером в мае 1912 г.¹¹ Обострению чувствительности и подозрительности Белого, конечно, способствовала Первая мировая война, а также то, что группа немецких и русских антропософов в Швейцарии наверняка вызывала подозрение у окружающих и, возможно, действительно привлекала внимание шпионов. Но воображение Белого явно преувеличивало внешнюю опасность. Главным переживанием, доведшим писателя чуть ли не до безумия, стала его невольная страсть и «черная женщина», своего рода символ и воплощение Наташи.

«Наташа *такая*, какой она иногда умеет быть, жди ночью ее как бы прихода вне тела, когда она, в моей ночной бессоннице делалась нападающим на меня *суккубом*; и в этих прилетах ее *на помеле* было что-то столь ужасное, демонское, — что я, хотя и был пассивной стороной этих нападений, я, тем не менее, чувствовал на душе какой-то тяжкий грех.

В этом, втором лике своем, Наташа в иные минуты виделась мне тем, чем выглядела “черная женщина”».

Это смещение реального мира и мира сна сопровождается признанием физической привлекательности Наташи. Но до сегодняшнего дня трудно было подтвердить или опровергнуть реальность любовных отношений Белого с Наташей: были они в действительности или привиделись возбужденному писателю? В «Материале к биографии» он обещает написать «об этом ниже», но «Материал к биографии» кончается августом 1915 г. Этот месяц предваряется такой записью:

«Необычайная трудность коснуться мне августа 1915 года в том, что, говоря о днях жизни, я вижу каждый день окрашенным не светом или тьмой, а как бы вижу его в противоречивейших, всегда потрясающих вспышках света и тьмы, ужаса и радости, низости и высокого благородства <...>».

В «Ракурсе к дневнику»¹², в записях за эти месяцы мало что добавлено. Разве только то, что Белый уезжает на пару недель осенью после разговора

со Штейнером. Интересно, что в «Ракурсе...», в записях за 1916 г. мы не находим имени Наташи.

В «Линии жизни», в автобиографической схеме, представленной в экспозиции Мемориальной квартиры Андрея Белого, Н. А. Тургенева «охватывает» большой период: с 1909 г. по 1916 г., и, что важно, под ее именем стоят черные точки, выражающие, несомненно, отношение писателя к истории с Наташей.

В связи с этим вновь найденная переписка между Борей и Наташей приобретает особенно большое значение. Письма дорнахского периода написаны во второй половине 1915 г. и в первой половине 1916 г. и носят откровенно любовный характер. Тон Белого в них различен. Он меняется от попыток убедить Наташу в искренности и интенсивности своих чувств до истерических требований принять его любовь и ответить на нее. Нас интересуют семь документов, которые, по всей вероятности, написаны в то время. Самое яркое выражение чувств находится в самом кратком письме: «Милая Наташа, — трушу, но... не уступаю; ругай, бей, но... не сердись. Милая, не сердись. Боря». «Трушу» — звучит как эхо признания «трусости» в «Материале к биографии», когда Белому казалось, что Наташа провоцирует его на то, чтобы он «взял ее силой»¹³.

Во время Рождества 1915 г. и Нового года Белый вспоминает осенний разговор с Наташей и свое намерение «унести» ее «с собой». Другое, более длинное письмо начинается с просьбы, чтобы Наташа передала адвокатам его нежелание принимать участие в процессе развода Эллиса (Кобылинского). Но рассуждения о делах перемежаются взрывами отчаяния: «<...> не улетай от меня; сестра моя, милая, любимая, не покинь меня в смертной опасности, не выгоняй из Дорнаха меня». Он жалуется на ее отказ с ним встречаться и объясняет, что его любовь является причиной его болезни: «<...> я не могу здесь жить без Тебя».

Ответ Наташи Белому — единственный, а потому бесценный документ, выражающий ее позицию, ее отношение к влюбленному в нее писателю и к тому, что на самом деле между ними происходило. Ее письмо показывает, что Белый принимал желаемое за действительное. Она сухо и холодно пишет: «Милый Боря, ты, верно, примешь это письмо тоже как продуманность и рассудочность». Она доказывает Белому, что его «влюбленность» в нее вся выдумана и что его видение их романа не имеет никакого реального основания. Выясняется, что Наташа отказывалась с Белым встречаться. Она повторяет, что это нежелание оправдано существующим положением, но при этом выражает готовность разговаривать с ним по делу. Она обращается к Белому нежно, но одновременно твердо, стараясь образумить его, но не обидеть («Милый Боря, ты передо мной действительно безоружен...»), уговаривает принимать ее такой, какая она есть («Так вот какая я: у меня есть Саша, Ваи, Маша и целая своя жизнь, нести меня ты можешь только некоторую часть»), настоятельно просит справиться с чувством влюбленности. Выражая надежду на его мужество, чувство долга и силу, она поздравляет Белого с Новым годом (1916) и подписывается просто — «Наташа».

Белый в ответном письме благодарит ее за послание, но увещаниям не следует. Наоборот, он отстаивает право на чувства к ней. «Я в Тебя не влюблен: я тебя люблю» — настаивает он (эта фраза подчеркнута). Белый пытается опровергнуть ее аргументацию, оспорить логику ее рассуждений и пробудить к себе сострадание: «Ты пишешь “Так вот я какая: у меня есть Саша, Ваи, Маша и целая своя жизнь”. А у меня, Наташа, нет ни Саши, ни Маши, ни Ваи в Твоем смысле и т. е. нет жизни личной (в каком смысле я это пишу, спроси меня); и оттого-то, быть может, у меня “*an und für sich*” [само по себе — Т. Б.] более жажды к простой дружбе, а кроме Аси и Вас у меня здесь воистину никого нет: Ася кое в чем отошла от меня <...>».

Белый жалуется Наташе на свое одиночество и, что особенно интересно, сравнивает себя с персонажем эпопеи «Я», Николаем («Котиком») Летаевым, которого называет Летков (вероятно, первый вариант фамилии героя): «<...> влюблен Летков, <...> я же, Боря (а не Летков), люблю Тебя, а с любовью бороться не стану». То есть Белый прямо заявляет, что отказывается следовать тому, к чему его Наташа призвала. Более того, подписывает он свое письмо, открыто показывая свои чувства и свое неповиновение: «Целую Тебя, Боря».

Следующее письмо можно назвать холодным, оно показывает кризис в отношениях. В нем Белый старается перенести на Наташу чувства вины за свои страдания, как душевные, так и физические. Более того, Белый пишет об опасности полового воздержания: «<...> мне нужна “женщина” <...> все равно что, когда, как, кто». Обида Белого на Наташу проявляется и в демонстративном жесте возврата ее письма: «<...> возвращаю Тебе Твое письмо рождественское». Подпись под письмом не нежная, как ранее, а чисто формальная: «Б. Бугаев».

Следующее письмо вроде бы свидетельствует о том, что кризис в отношениях завершился примирением: «Милая, милая Наташа, спасибо Тебе за ласковое посещение. Прости, если вчера я был с Тобой — смутный; мне после наших слов стало невыразимо больно; но вот — боль утихла». Подпись: «Борис Бугаев».

Были и еще письма и открытки, но этот односторонний роман вскоре закончился. Белый уехал в августе 1916-го и никогда больше не возвращался в Дорнах. В Берлине в 1921–1923 гг. он встречался и с Асей, и с доктором Штейнером. Наташа тоже встречалась с ним. Мы знаем, что она собирала книги Белого, видимо, уважая память о нем и его талант. Многие из этих книг находятся теперь в библиотеке Гетеанума. («Путевые заметки», берлинское издание «Петербурга», четыре номера журнала «Эпопея»).

Больше о Наташе и Боре мне ничего не известно. В Италии Д. Рицци были опубликованы письма из архива Н. А. Тургеневой (из собрания И. А. Алпатовой), но они датируются 1912 — началом 1913 гг.¹⁴ Изучение и научная публикация переписки Белого с Наташей Тургеневой многое прояснит и даст стимул к дальнейшему исследованию темы. В переводе на немецкий этот материал должен выйти в 2016 г. После этого начнется подготовка русского издания, над

которым мы будем работать совместно с Моникой Спивак. Мы надеемся, что эти издания будут интересны и полезны всем, кому интересен и дорог Борис Николаевич Бугаев.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. статью о ней в Википедии: https://de.wikipedia.org/wiki/Swetlana_Geier
- 2 *Andrej Belyj*. Im Zeichen der Morgenröte. Erinnerungen an Aleksandr Blok, Zbinden. Basel, 1974; *Andrej Belyj*. Verwandeln des Lebens. Erinnerungen an Rudolf Steiner. Basel: Zbinden-Verlag, 1975.
- 3 См.: «The Swetlana Geier Collection» на сайте: <http://sites.middlebury.edu/belyj>
- 4 Большой интерес представляет автограф Н. А. Тургеневой, обнаруженный нами среди страниц сборника статей «Переселение душ» (Париж: YMCA Press, 1935). С него, собственно говоря, и начался наш интерес к ее персоне. См. электронный ресурс: <http://sites.middlebury.edu/belyj/about-belyj-reisebibliothek/books-in-the-collection/books-a-д/переселение-душ>
- 5 Andrej Belyj. Dokumentation am Goetheanum-Archiv. Einheit 1.
- 6 *Ljunggren M.* The Dream of Rebirth: A Study of Andrej Belyj's Novel «Peterburg». Stockholm, 1982; *Ljunggren M.* The Russian Mephisto. A Study of the Life and Work of Emilii Medtner. Stockholm, 1994; *Спивак М.* «Как сладко с тобою мне быть...» (автобиографический подтекст в романе Андрея Белого «Москва») // Блоковский сборник. Вып. XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX века. Тарту, 2003. С. 102–126; *Спивак М.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006. С. 91–106 (раздел «Что есть любовь»), С. 273–282 (разделы «Не насильник ли ты?», «Черная женщина»).
- 7 *Andrej Belyj*. Verwandeln des Lebens. Erinnerungen an Rudolf Steiner. Basel: Zbinden-Verlag, 1975; *Андрей Белый*. Воспоминания о Штейере. Париж, 1982.
- 8 *Андрей Белый*. Начало века. М., 1990. С. 437, 439.
- 9 *Андрей Белый*. Между двух революций. М., 1990. С. 324.
- 10 *Андрей Белый*. Материал к биографии (интимный) // Минувшее. М., 1992. Т. 6. С. 336–415; Т. 8. С. 409–471; Т. 9. С. 409–483.
- 11 *Thomas R. Beyer, Jr.* First Meeting with Rudolf Steiner // Journal for Anthroposophy. XLIV (Autumn 1981). P. 70–76; Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. М., 2001. С. 452–463.
- 12 РГАЛИ. Ф. 53 (Андрей Белый). Оп. 1. Ед. хр. 100.
- 13 Ср. в «Материале к биографии»: «Я рванулся к Асе, как к последнему прибежищу; и попросил ее настойчиво обратить внимание на Наташу, принять меры к тому, чтобы меня освободить от постоянного ее присутствия, на что Ася расхохоталась: “Дари ей хоть цветы, что ли?” И попросила меня о Наташе не говорить с ней; кроме того: она отказалась принимать меры к изоляции нас друг от друга. Я без слов обращался к доктору; но доктор, как нарочно, делал вид, что это его не касается. Я бросился к Трапезникову и получил ответ: “Да глядите проще на вещи!” Я знал, что Поццо — не муж Наташи; мы с Асей давно не были мужем и женой. И в моем полубреду вспыхнула ассоциация: “Все сделано так, что Наташа и я, — суждены друг другу; это — карма; бороться тут нельзя”. Кроме того: Наташа избегала разговора со мной вдвоем, мне бросая одновременно намеки, что разговор будет после того как... это случится; мне стало казаться, что она подстрекает меня к тому, чтобы я ее... взял, как мужчину; взял насильно. И даже подтрунивала: над моей трусостью... ее взять».
- 14 *Rizzi D.* Из архива Н. А. Тургеневой: Письма Эллиса, А. Белого и Н. А. Тургеневой // Europa orientalis. 1995. Vol. 14. № 2. С. 295–340.